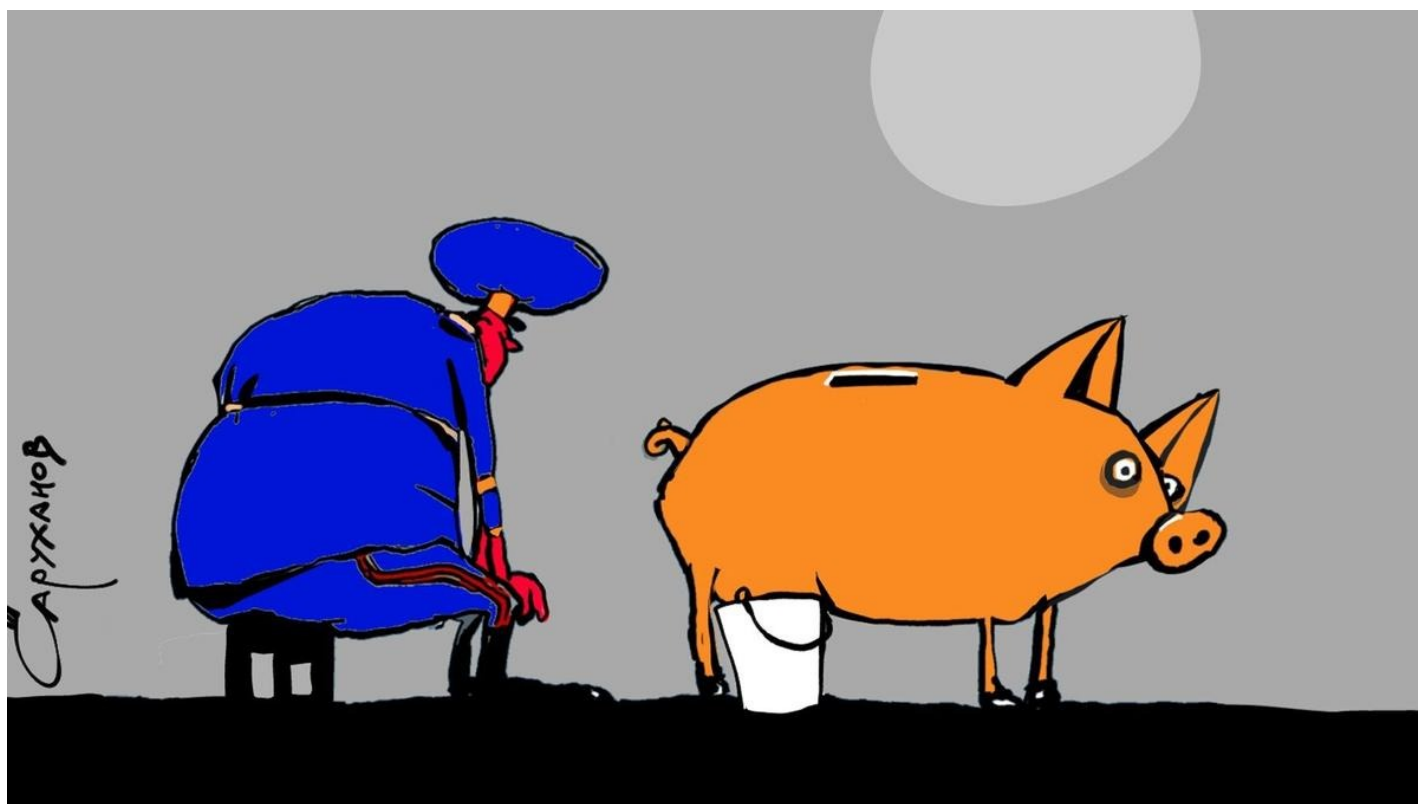

За тремя зайцами

Кто выиграл от экономической политики правительства, похожей на времена Ивана Грозного — с нищей земщиной и контролирующей экспорт опричниной

Петр Саруханов / «Новая газета»

09:38, 3 декабря 2024,

Дмитрий Прокофьев

редактор отдела экономики

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Экономическая политика правительства, направленная на «выполнение задач», имела для страны следствие, которое до сих пор не нашло отражение в официальной риторике. Речь идет о фактическом разделении российской экономики на две — первая купается в деньгах, вторая плавает в кредитах, для первой сегодняшний день — лучший за многие годы, вторая все чаще думает о будущем с неясным исходом, первая назначает цены, вторая изучает ценники. Как так вышло и как нам жить с этим дальше?

За тремя зайцами

Весной 2022 года хозяева РФ-экономики оказались перед необходимостью решить сложную задачу — своего рода трилемму.

- С одной стороны, им было необходимо развернуть производство *«металлических изделий, без учета машин и оборудования»* (так, как это официально называет Росстат) — для этого требовалось сосредоточить в соответствующих отраслях максимум ресурсов, труда и капитала. Взять эти ресурсы было можно только в «потребительской экономике».
- С другой стороны, правительство не хотело рисковать потребительской экономикой, а точнее — «потребительской витриной»: для россиян главный маркер экономических проблем — это не столько высокие цены, сколько пустые прилавки. Кроме того, правительство с самого начала сделало ставку на щедрую оплату для всех, кто придет наниматься к нему на службу: едва ли не первым экономическим решением политического руководства было решение об экстремальных, по российским меркам, «выплатах» для семей военнослужащих. Но такие выплаты должны быть подкреплены «товарами», чтобы рост зарплат оборачивался ростом реального потребления — а с производством потребительских товаров в России были проблемы и до 2022

года.

- С третьей стороны, правительство искало ответ на вопрос — как сделать так, чтобы стремительно растущие расходы «на выполнение задач» не обернулись неподъемным грузом для бюджета.

Начальство хорошо помнит опыт СССР —

правительство не может одновременно финансировать сразу три направления: расходы на армию и производство оружия, социальное обеспечение населения и инвестиции. Можно обеспечивать только два из трех.

Например, сверхрасходы на армию и инвестиции в военную промышленность, но без социального обеспечения, как это было при Сталине.

Или социальные расходы вместе с инвестициями, но без армейских сверхрасходов (то, что попытался сделать Хрущев, когда сокращение численности вооруженных сил и их финансирования сопровождалось строительством массового стандартного жилья).

Или социальные обязательства вместе со сверхрасходами на армию, но тогда — никаких инвестиций. В позднем СССР попытались наращивать бюджетные расходы по всем трем направлениям — результатом стали пустые полки в магазинах и экономический коллапс.

Поэтому правительству нужно было создать систему экономических мотиваций на макроуровне для субъектов

экономики, людей и предприятий, которые:

А) обеспечили бы переток ресурсов из сектора «создания потребительских товаров и услуг» в сектор «производства металлических изделий»;

Б) не обернулись бы разрушением потребительского сектора экономики раньше, чем правительство добьется «выполнения задач» — что бы ни означала эта формулировка;

В) обеспечили бы приток частных инвестиций в промышленность — министры обеспечивают капиталистам возможности для заработка, капиталисты инвестируют, создавая условия для расширения предложения товаров.

С пунктом А все было понятно — эта проблема решалась резким увеличением финансирования — т.н. фискальным стимулированием, для решения проблемы Б была необходима валютная выручка, а вот проблема В не могла быть решена без готовности капитала к инвестициям, позволяющим компенсировать издержки политики правительства. Почему?

Вопрос о фискальном стимулировании — это в первую очередь вопрос о «фискальном мультипликаторе». Допустим, правительство заняло на рынке 100 рублей, а затем потратило эти 100 рублей. На сколько рублей вырастет ВВП? Если ВВП вырос на те же 100 рублей, то мультипликатор равен единице. Если ВВП вырос больше, чем на 100 рублей, то мультипликатор больше единицы. И в этом случае мы говорим, что бюджетное стимулирование эффективно.

Проблема, однако, в том, что во многих ситуациях мультипликатор может быть меньше единицы, то есть на 100 потраченных правительством рублей ВВП вырос даже меньше, чем на использованную сумму. Производство «металлических изделий» — как раз тому пример. Для того, чтобы произвести

«металлическое изделие», нужно задействовать ресурсы — капитал и труд, которые могли бы быть использованы в экономике с большей эффективностью и создать товары с большей добавленной стоимостью (кстати, российская экономика в 2021 году демонстрировала высокие темпы роста без всякого фискального стимула, а уже в 2022 году успехом фискального стимулирования считалось падение ВВП на меньший процент, чем ожидало правительство).

Когда правительство (и/или субсидируемые им экономические агенты) привлекает деньги в долг, то как правило — это значительные суммы. С ростом займа растут и процентные ставки на рынке. Эти ставки распространяются на всех, а не только на государственный долг. Таким образом, процентные ставки отражают связь между бюджетной политикой правительства и инвестициями в стране, поскольку привлекает и тратит правительство (и его агенты), а кредит дорожает для всех.

А если правительство не берет в долг, а тратит из своих резервов? — это значит, что оно отказывается от тех процентов, которые могло бы заработать, просто размещая эти средства на банковских счетах. Почти то же самое, что взять в долг.

Таким образом, при попытке стимулировать рост бюджетными расходами может происходить, условно, следующее: потрачено 100 рублей, но из-за более высоких ставок 20 рублей недоинвестируется (по сравнению с тем, что было бы, если бы правительство не вышло на рынок). Совокупный эффект таков, что потрачено было 100 рублей, в ВВП вырос на 80 рублей. Это

неэффективная политика, и ее последствия — в теории — могут компенсировать частные инвестиции. На них то и был расчет: правительство вложится в металлические изделия, создаст избыточный спрос, без оглядки на эффективность, а с инвестициями должен будет помочь частный капитал.

Сотрудники на одном из предприятий оборонно-промышленного комплекса. Фото: Вадим Савицкий / пресс-служба Минобороны РФ / ТАСС

От проблем к результатам

Надо заметить, что весной 2022 года у правительства было не так много вариантов действий. Половина золотовалютных резервов ЦБ РФ была арестована, капитализация фондового рынка упала на 50% (считая в долларах), курс доллара вырос с 75 до 120 рублей. Потребительские цены росли чуть ли не на 10% в месяц, что обернулось резким падением реальных доходов людей и сокращением розничных продаж на 10%.

Во втором квартале 2022 года российский ВВП сократился на 4%.

Центральный банк и Министерство экономического развития РФ прогнозировали экономический спад на 10–15% по итогам 2022 года, а эксперты рассуждали об увеличении бюджетного дефицита до рекордных уровней — на фоне проблем с экспортом нефти.

Но уже к лету 2022 года ситуация в экономике стабилизировалась: экономического коллапса не произошло, а доходы людей и бизнеса начали расти. Справедливости ради скажем, что причиной тому оказалась конфигурация санкционных ограничений, сыгравшая на руку правительству РФ. Экономисты (в том числе из Минэкономразвития и ЦБ РФ) в своих оценках санкционных эффектов исходили из того, что первыми будут введены санкции на экспорт углеводородов из РФ, что будет означать, в первую очередь, коллапс потребительского импорта (оплачивающегося за счет валютной выручки). Но ничего подобного не было. Первые санкции ударили даже не столько по «количеству», сколько по «качеству» потребления россиян (в России перестали официально продаваться некоторые зарубежные бренды).

В то же время власти ЕС не позволили усилиться оттоку капитала из РФ, отказываясь принимать российские деньги, но сохранили приток валюты в Россию, исправно расплачиваясь за нефть и газ.

Российское правительство, отдадим ему должное, сумело этим обстоятельством воспользоваться моментально, разрешив «параллельный импорт» множества товаров (многие покупатели даже не успели понять, что их любимые бренды теперь продаются в РФ «неофициально»), а рекордное превышение валютных доходов над расходами позволило не

думать об «арестованных активах ЦБ» и дало возможность начать закупку «критического импорта» для обрабатывающей промышленности.

«Структурная трансформация» экономики, о которой Центральный банк заявил в апреле 2022 года, начала приносить первые результаты. Если весной 2022 года оптимисты из правительства РФ ожидали падения ВВП в 2022 году на 10%, то в реальности экономика сократилась на 2%; в 2023 году ВВП РФ уже вырос на 3,6%, а в 2024 году рост ВВП может оказаться в интервале 3,8–4,0%. При этом правительственный долг не выглядит значительным: согласно официальному прогнозу, по итогам 2024 года он составит 18% ВВП — по стандартам развитых стран, это немного, можно занимать и занимать.

Деньги — от живота веером

Самым же значительным достижением правительства, с точки зрения россиян, выглядит увеличение их доходов. За три года данный показатель может вырасти не менее чем на 17–18% (на 4% в 2022 году, на 7% в 2023-м, и правительство ожидает, что доходы прибавят порядка 7% в 2024-м). В значительной степени это было обусловлено и изменением социальной политики: была увеличена социальная поддержка малообеспеченных слоев населения.

Правда, у этой монеты есть обратная сторона: росту реальных доходов граждан предшествовал их спад на протяжении семи лет — с 2014 по 2021 год, а если «считать в долларах», доходы людей так и не вернулись на уровень 2013 года.

Но сейчас для миллионов россиян политика российского правительства обернулась натуральным золотым дождем. Тем, кто готов служить правительству, оно готово за месяц платить такую сумму, за которую раньше приходилось работать едва ли не год, безработица опустилась до исторического минимума,

номинальные зарплаты (в ряде отраслей) растут. При этом бум доходов населения оказался неожиданным даже для него самого: традиционно в России такая политика, которую правительство ведет сейчас, приводила к обратному результату — сокращению потребления из-за растущего дефицита бюджета, изъятию денежных доходов посредством принудительных займов; введению разнообразных трудовых повинностей.

Конечно, это в первую очередь — следствие масштабного фискального стимулирования, вызванного расходами «на выполнение задач». Только в федеральном бюджете эти расходы выросли на 4% ВВП (с 3–4% до 2022 года и до 7–8% сейчас). На самом деле общая сумма еще выше: соответствующие выплаты присутствуют во всех региональных бюджетах.

Бюджетный импульс, по расчетам Минфина, в 2022–2024 гг. превысил 10% ВВП — это то, насколько расходы и квазирасходы (кредиты регионам и другим странам, также инвестиции из ФНБ) совокупной бюджетной системы отклоняются от нейтральных значений. Если в 2019 г. совокупная бюджетная система тратила примерно 34% ВВП, то в 2024 году — 37%.

Бюджетный импульс увеличивает спрос не только напрямую через расходы, но и косвенным образом.

- Во-первых, бюджетная политика влияет на спрос через субсидирование процентных ставок, то есть правительство принимает на себя часть выплат по кредитам — как для людей («льготная ипотека», например), так и для компаний.
- Во-вторых, раз уж благодаря бюджетным расходам доходы людей и компаний выросли, то они могут позволить себе больший кредит.

К этому следует добавить вклад государственных и частных

компаний, участвующих в финансировании правительственной политики плюс региональные бюджеты, в которых также присутствуют разнообразные выплаты — и тем, кто пошел служить правительству, и тем, кто обеспечивает их всем необходимым.

Фото: Игорь Иванко / Коммерсантъ

С осени 2022 года рядовые военнослужащие, непосредственно задействованные в «выполнении задач», получали не менее 195 тыс. рублей в месяц, в 2024 году сумма была увеличена до 210 тыс. рублей (что в 2,5–3 раза превышало среднюю зарплату по стране), а федеральные и региональные единовременные выплаты за заключением контракта сегодня варьируются от 800 тыс. до 3,4 млн рублей.

В то же время вырос спрос и в «гражданских секторах» экономики: в 2023 году валовая добавленная стоимость выросла на 10% в секторе HoReCa (отели и общепит), в сфере

информации и связи (также на 10%), на 8,6% — в финансовой и страховой, на 7,3% — в оптовой и розничной торговле, в строительстве — также на 7,0%.

Что объединяет все эти отрасли: то, что они в значительной степени ориентированы на т.н. конечное потребление. Покупатели в этих отраслях — это в первую очередь те, кто не мог себе позволить тратить деньги раньше и получил такую возможность сейчас.

Действительно, доля расходов на конечное потребление в структуре ВВП в 2023 году выросла до 68,7% по сравнению с 64,9% в 2022 году, говорит Росстат.

Фактически «структурная трансформация» разделила экономику на две части — правительство закачивало деньги в «военную часть», а «гражданская часть» получила возможность зарабатывать, предлагая получателям выплат и бюджетного финансирования свои товары и услуги. Запуск такой модели действительно обернулся всплеском деловой активности: в 2023 году совокупный сальдированный результат (суммарная прибыль за вычетом суммарного убытка) российских организаций и компаний составил рекордные 33,4 трлн рублей, или 19,2% ВВП.

То есть в числе бенефициаров экономической политики правительства на текущий момент оказалась как собственно военная промышленность, так и гражданские отрасли, ориентированные на потребление.

По заветам царя Ивана

Царь Иван Грозный. Источник: Википедия

На самом деле особой инновации тут не было — подобную историю устроил в России царь Иван, еще в шестнадцатом веке. Придуманное им разделение страны на «опричнину» и «земщину» имело глубокий экономический смысл: чтобы обеспечить максимально эффективную эксплуатацию богатств Северной России и аккумулировать средства на содержание войска, грозный царь московитов фактически создал особое государство — с совершенно особым правовым режимом и оригинальной структурой управления. Это и была «опричнина».

Карта опричных территорий в 1565–1571 годах более всего похожа на карту устройства сырьевой монополии, собственником которой был сам царь. «Опричное царство» выходило широкой стороной к Белому морю, открывая удобные пути доставки. Судоходные реки обеспечивали вывоз за море

пеньки и других ресурсов — льна, древесины, воска, соли. Плодородные земли южной части опричнины — Вологды, Костромы, Белозерья — позволяли снабжать население севера. Столица этой «внутренней колонии», Вологда, была начальным пунктом речного пути по Сухони и Двине к Белому морю.

По замыслу Ивана, привилегированная территория «опричнины» должна была стать своеобразным очагом развития. А «остаток» страны, так называемая земщина, отчужденная от моря, должна была довольствоваться собственным натуральным хозяйством, которое в любом случае не приносило царю выгод, сопоставимых с доходами от морской торговли. Но при этом должно было служить для «опричнины» дополнительным источником ресурсов.

Аполлинарий Васнецов «Опричники въезжают в город» (эскиз декорации к опере П. И. Чайковского «Опричник»), 1911 год. Источник: Википедия

В сущности, устройство российской экономики двадцать первого века в каких-то системных элементах очень похоже на устройство той же экономики в веке шестнадцатом. Да что там,

уже тысячу лет главный источник власти в России — это контроль над экспортной (валютной) выручкой, то есть такой штукой, наличие которой которая позволяет тебе:

А) на вербовать войско;

Б) купить войску современное оружие;

В) купить технологии, которые позволят сделать для войска современное оружие (ну, под «оружием» здесь имеется в виду все, что необходимо для контроля над местным населением, добывающим «экспортный ресурс»).

Почти из воздуха

Правда, у сегодняшнего российского правительства есть еще один важный ресурс, которым царь Иван не располагал. Это современная денежная система, опирающаяся на кредит. То есть на создание новых денег.

Да, каждый раз, когда гражданин приходит в банк за кредитом, это значит, что банк просто создает деньги «из воздуха», из «ниоткуда». Фактически «печатает». Это — та же денежная эмиссия. Только это не один «большой печатный станок», который «работает», когда ЦБ напрямую кредитует правительство, а много-много маленьких «печатных станочков», каждый из которых «работает», когда гражданин приходит в банк за кредитом. Разумеется, финансовый регулятор устанавливает ограничения, чтобы банки не «напечатали» денег слишком много, но если правительство начинает щедро платить, то желание людей потратить (хотя бы и долг) вместе с желанием банков заработать перевешивает такие ограничения.

В 2023-м **кредитный импульс** (чистый прирост кредитования к доходам) составил 8,3% — это рекорд, ну как минимум с 2013

года — тогда он составлял 5,2% (до санкций и ограничений), в 2022 году кредитный импульс составил 3%, в 2021-м — 6,6%.

Чистый годовой прирост задолженности по кредитам к годовому доходу домохозяйств (коэффициент роста кредитной нагрузки) показывает, насколько домохозяйства опираются на кредиты относительно их годового дохода. Как правило, весь прирост кредитования людей трансформируется в рост потребления и/или операции с недвижимостью. Чем выше коэффициент, тем ниже обеспеченность расходов собственными располагаемыми ресурсами.

За 9 месяцев 2024 года кредитование выросло на 4,4 трлн — почти сопоставимо с кредитным бумом за весь 2021 год. В этом году доходы ожидаются на уровне 107–108 трлн руб., а чистый прирост кредитования ближе к 5,5 трлн, т.е. коэффициент роста кредитной нагрузки составит свыше 5,1%, что выше среднего значения в 4,4% в 2017–2021 гг.

При этом гражданин, беря кредиты, действует вполне рационально — в ситуации, созданной правительством, когда «потребительский сектор» вынужден конкурировать за ресурсы с «производством»,

люди берут в долг, чтобы «успеть купить». Повышенный спрос (поддержанный кредитом) и ограниченное предложение приводят к явлению, которое называют «перегрев экономики».

Перегрев чреват высокой инфляцией, которая разрушает покупательную способность сбережений и доходов и влечет за собой период высоких процентных ставок. Отличие

«кредитного перегрева» от «денежной эмиссии» разве что в том, что в случае «эмиссии» риски по кредиту принимает на себя правительство, а в случае «кредитного перегрева» — люди.

Тут присутствует некоторый парадокс: с одной стороны, правительство раздает триллионы на выполнение своих приоритетных задач, с другой стороны, правительство хочет, чтобы эти триллионы люди не тратили, а сберегали (чтобы не было инфляции), с третьей стороны, инфляция — лучший инструмент, чтобы обесценить обязательства правительства, выраженные в реальных товарах и услугах, и обесценить долг «правительственного сектора».

Поймать этих трех зайцев одновременно невозможно, экономические субъекты (люди и компании) видят, что правительство не будет останавливаться ни перед чем (ростом цен на масло его точно не напугаешь), поэтому принимать решения следует исходя из готовности правительства проводить свою политику бесконечно, что будет означать все большее «перетекание ресурсов» в «правительственный сектор» и плавную деградацию «потребительского сектора». В этой ситуации рациональная модель поведения — это жизнь займы и создание запасов товаров, которые пока еще продолжают производиться и привозиться. Люди так и живут.

Еще раз: ни у правительства, ни у людей нет проблемы с доступом к «денежным знаками», проблема возникает, когда денежные знаки ложатся на прилавок для покупки «товаров и ресурсов». «Если ничего не покупать, то цены нормальные», — как пошутил министр финансов РФ.

А если покупать?

События последних двух с половиной лет значительно ухудшили для России условия внешней торговли. Да, импорт в Россию восстановился — если считать в долларах или юанях. Но

вот физические объемы этого импорта — количество автомобилей, станков, телефонов и т.д, которые Россия фактически обменивала на заданное количество тонн нефти, стали, леса, зерна, — сократилось. А там, где сокращения не произошло, — там произошло снижение качества поставляемых товаров. Это означает уменьшение возможностей экономики удовлетворить спрос, который к тому же сильно вырос.

Рост спроса на фоне стагнации предложения — ключевой фактор, который перевел экономику в состояние значительного перегрева со второй половины 2023 г. В условиях бюджетной политики он начал очень быстро восстанавливаться летом 2022 г. — со стороны как правительства, так и бизнеса, который наращивал расходы на замещение импорта, перестройку производственных цепочек, логистики и т.д.

Это повлекло за собой рост спроса на труд, что в условиях нехватки трудового ресурса привело к обострению конкуренции за работников и к росту зарплат, опережающему рост производительности.

В свою очередь рост доходов людей разогрел потребительский спрос, в том числе на жилье, благодаря масштабной программе льготной ипотеки. Дополнительным фактором расширения спроса стал рост кредита.

Фото: Виктор Коротаев / Коммерсантъ

Кредит — он «кому надо» кредит

Правда, с кредитами получилось интересно.

В «[Основах денежно-кредитной политики 2025–27](#)» приводятся данные, согласно которым около половины кредита предоставляется по ставке ниже 10%, а более одной пятой кредита — по ставке 5%. И никаких «двадцати процентов». По ставке более 15% предоставляется не более трети кредита. То есть весть кредитный бум — это не столько кредиты людей, сколько кредиты компаний.

Хорошо бы еще знать, какие именно компании получают кредит под 5%, финансовый регулятор такие мелочи не уточняет, но мы, в общем, догадываемся.

Издержки такого кредитного расклада [объяснял](#) первый

зампред ЦБ РФ Алексей Заботкин:

«льготные программы кредитования... увеличивают совокупный спрос, сокращают пространство для рыночного кредита и требуют более высоких ставок по рыночному кредиту, чтобы в итоге общий рост кредитования в экономике и спрос, который он создает, соответствовали тем производственным возможностям, которыми экономика располагает».

Но помогает ли увеличение кредита и создание привилегий для «производства» увеличить это самое производство?

[Данные Росстата](#) дают основание считать, что не очень.

По формальным критериям все неплохо — экономика в целом растет с высокой интенсивностью. По данным Росстата, промышленное производство в России выросло на 3,2% г/г за сентябрь. Но активное расширение промышленного производства обусловлено исключительно обрабатывающим производством, которое активно росло первые пять месяцев 2024 года, а потом стало тормозить. А двузначные темпы роста демонстрируют только отрасли на гособоронзаказах.

Зато добыча полезных ископаемых опустилась до уровня марта 2021 года, когда «действовали рекордные за всю историю ОПЕК+ ограничения на добычу нефти в связи с карантинами 2020 года и переполнением хранилищ. Сейчас добыча сокращается из-за сокращения спроса со стороны основных клиентов (из активных остались только Китай и Индия), проблем в логистике после ужесточения санкций с середины 2024 года. Стагнирует и электроэнергетика.

Объемы строительства с весны 2024-го не растут, а сельское хозяйство за 9 месяцев 2024 года вообще сократилось на 2,3% г/г (результаты такого сокращения уже отразились в ценниках на продукты). Зато растут потребительские расходы — рост на 6,8% г/г за 9 месяцев 2024 года, но в условиях рынка с ограниченным предложением товаров и услуг потребление населения разгоняет инфляцию.

А что случилось?

Сдерживающий фактор

Причины замедления экономики **объясняет** Департамент исследований и прогнозирования ЦБ РФ в материале «Производственные возможности промышленности. Октябрь 2024».

ИЗ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ЗАПИСКИ «ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. ОКТЯБРЬ 2024»

«Более распространенной проблемой, сдерживающей дальнейшее расширение выпуска в промышленности, является ограниченность трудовых ресурсов. Как показал опрос, нехватку тех или иных категорий работников испытывали 83% предприятий, большинство из них (79%) нуждались в квалифицированных рабочих.

Однако картина имеющихся производственных возможностей в отраслях обрабатывающего сектора неоднородна.

С наиболее сильными ограничениями со стороны

факторов производства (мощностей и трудовых ресурсов) столкнулись в основном компании, работающие в промышленных видах деятельности, ориентированные на инвестиционный спрос.

Прежде всего, это производство продукции машиностроения — выпуск в этой отрасли ускоренно рос в последнее время. Часть таких компаний работают в приоритетных направлениях развития экономики в связи с необходимостью замещения ушедшего после введения санкций импорта, а также удовлетворения высокого спроса со стороны государства.

В остальных сегментах промышленности (преимущественно в отраслях потребительского и промежуточного спроса), как показал опрос, рост выпуска может опираться на дозагрузку имеющихся производственных мощностей. Однако основными сдерживающими факторами для них в настоящее время выступают дефицит кадров и рост издержек на оплату труда в связи с необходимостью конкурировать за новых работников и удерживать персонал более высокой зарплатой».

А поскольку количество занятых перестало расти с мая 2024-го, застыв на уровне 74,2 млн — это плюс 1 млн к началу 2023-го, но без расширения рабочей силы и роста производительности добиться роста экономики едва ли возможно.

Обыграть экономику не получилось.

Да, правительство выстроило систему, мотивирующую людей

работать там, где платит правительство, и «выполнять задачи», а получателям бюджетного финансирования — создать дополнительный спрос на ресурсы. В свою очередь рост кредита позволил бизнесу и людям включиться в соревнование — кто раньше успеет купить больше.

Таким образом, экономика РФ оказалась искусственно разогрета за счет стимула со стороны правительства. Но правительство не может долго поддерживать спрос за счет своих ресурсов на таком уровне интенсивности. Возможно, правительство рассчитывало, что сверхприбыли, которые компании получили за счет госзаказа, обернутся инвестициями, но этого не происходит. И вряд ли произойдет, в том числе и по причине высокой инфляции, когда цены растут фронтально, а люди берут кредиты, пытаясь нарастить потребление (или не допустить падения своего прежнего уровня потребления), очень трудно угадать, куда качнется спрос.

И как только правительство откажется от проведения своей политики разогрева экономики, она (экономика) резко затормозит, и с наибольшими проблемами столкнутся те, кто строит свои личные и деловые стратегии именно на идее бесконечности такого финансирования.

В правительстве, кстати, это наверняка понимают, поэтому отказываться от своей политики не будут — во всяком случае до тех пор, пока импорт будет позволять обеспечивать работу обрабатывающей промышленности и наполнять прилавки потребительскими товарами. Правда, все это будет стоить дорого. Но это уже другая история.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[«Сталиномика». Не сможем повторить](#)

Почему сталинские экономические рецепты умерли вместе с их автором, а нынешняя власть не сможет ими воспользоваться

13:01, 4 марта 2023, Дмитрий Прокофьев

[Когда кончатся доллары](#)

Почему правительству удастся несмотря ни на что поддерживать «стабильность», выполнять «задачи» и радоваться росту ВВП

12:57, 1 июля 2024, Дмитрий Прокофьев

[Шесть способов честного отъема денег у населения](#)

Власти готовы к разработке главного месторождения страны — карманов граждан: доллар, цифровой рубль, облигации

15:20, 13 ноября 2024, Дмитрий Прокофьев

[Неудержимая](#)

Могут ли власти остановить инфляцию и заморозят ли они вклады россиян

12:59, 21 ноября 2024, Дмитрий Прокофьев